

ЧАСТНОПРАВОВАЯ МЫСЛЬ В ФИЛОСОФИИ О. ШПЕНГЛЕРА

Семякин Михаил Николаевич

Доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург), e-mail: misha2008@uralweb.ru

В статье рассматриваются философские воззрения известного немецкого философа О. Шпенглера на феномены государства, правовой политики, частного права, его роль и предназначение в жизни общества; гносеологическое и методологическое значение в философии частного права идеи собственности; происхождение права, различие права и закона; критический анализ права, правового мышления.

Ключевые слова: понимание права, частное право, «внутренние права», римское право, идея собственности, общественное и экономическое бытие, юридический язык, правовое мышление, собственный опыт, выстраивание собственного права

PRIVATE LEGAL THOUGHT IN PHILOSOPHY OF O. SPENGLER

Semyakin Michail

Ural State Law University (Yekaterinburg), e-mail: misha2008@uralweb.ru

The article considers the philosophical views by O. Spengler who studied the phenomena of state, state policy, private law, its role and purpose in social life; the cognitive and methodological significance of the property idea in private law philosophy; the origin of law, its differences from legislation; and gave a critical analysis of law and legal thinking.

Key words: law understanding, private law, «inner rights», Roman law, property idea, social and economic being, legal language, legal thinking, personal experience, establishment of a personal law

Известный немецкий философ О. Шпенглер (1880–1936) в своих философских воззрениях был по ряду позиций близок к неокантианству – знаменитой Баденской философской школе. Его основной труд – двухтомное сочинение «Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Всемирно-исторические перспективы», где он на огромном количестве примеров из сферы искусства, науки, политики и религии анализирует типы культуры, отношения между ними, историю и перспективы их развития и т. д. О. Шпенглер немало внимания уделил также философии государства, политики и права, в особенности частного, его роли и предназначению в жизни общества.

Главное место в философии частного права О. Шпенглера занимает идея собственности, имеющая не только гносеологическое (познавательное), но и методологическое значение для понимания частного права.

По мысли О. Шпенглера, *идея собственности* произошла из «связанности» знати с космосом и землей. «Собственность – это прачувство, это не понятие, и оно принадлежит времени, истории и судьбе, а не пространству и причинности. Его невозможно обосновать, однако оно налицо»¹. Таким образом, О. Шпенглер идентифицировал собственность с «прачувством», которое имеет глубинные исторические корни и носит объективный характер. Следовательно, собственность философ не соотносил с категориями пространства и причинно-следственной связи. «Поэтому собственность в наиболее непосредственном

¹ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 2: Всемирно-исторические перспективы / пер. с нем. и примеч. И. И. Махонькова. М., 1998. С. 359.

ее значении – это *земельная собственность* (здесь и далее курсив автора. – М. С.), и стремление к тому, чтобы превратить нажитое в землю и почву, всегда есть свидетельство человека доброй породы». Собственность в этом смысле представляет собой тесную «срощенность» с землей и с чем-то большим, имеющим значение не только для отдельной личности, но и для судеб и последовательности поколений¹.

Примечательна в этом контексте мысль И. Канта о том, что «первичной» собственностью является земля и что «все люди до всякого юридического акта обладают правовым владением земель, т. е. имеют право быть там, куда природа и случай их поместили»², а юридический акт приобретения он называл завладением (*occupation*).

О. Шпенглер усматривал в собственности «развитие двойственного ощущения»: «*владение как власть и владение как добыча*»³. Причем оба эти «ощущения» «соседствуют в изначальном человеке расы». «Из ощущения власти происходят *завоевание, политика и право*, из ощущения добычи – *торговля, экономика и деньги*. Право – собственность имеющего власть. Его право – это право для всех»⁴. Таким образом, по мысли философа, право происходит «из ощущения власти» и становится «собственностью» имеющего власть; при этом право властвующего субъекта касается всех, т. е. обладает обязательной силой для всех: все должны признавать и соблюдать его.

Трактуя право как *произвольную* форму существования вне зависимости от того, было ли оно признано на уровне чувств, импульсивно или абстрагировано посредством обдумывания, углублено и приведено в систему, О. Шпенглер выделял два вида права: неписаное, обычное право (*equity*) и *закон*. Причем эти два вида права: право отцов, унаследованное, органическое, священное, потому что существует испокон веков, происходит из опыта крови, и право измышленное, спроектированное, естественное и общечеловеческое, проистекающее из размышления и потому родственное математике, возможно, и не успешное, но «справедливое»⁵ – должны друг другу противостоять.

Важны суждения О. Шпенглера, касающиеся истинности «внутренних прав» (философ имеет в виду гражданское право) и проблемы их применимости. Во «внутренних правах» «о себе заявляет воля мирового судьи, направленная на то, чтобы быть беспристрастным и справедливым, хотя зачастую люди очень сильно обманываются насчет степени непредвзятости, присутствующей даже в лучших в истории кодексах, в том числе и в тех, которые сами себя называют гражданскими (*burgerlich*), намекая уже этим на то, что они были составлены для всех *одним сословием*, воспользовавшимся своим решающим перевесом». Поэтому, как замечал философ, кодексы «отвергают права знати и духовенства и защищают права денег...»⁶.

Приведенные размышления философа не потеряли своей актуальности. И в современный период важно при совершенствовании гражданского кодекса учитывать интересы разных слоев общества, чтобы этот закон в равной мере обеспечивал охрану прав и законных интересов всех субъектов и не защищал преимущественно «права денег».

«Внутренние права», как полагал философ, являются результатом «строго логическо-каузального, направленного на истину мышления». Однако именно по этой причине «их применимость всякий раз оказывается зависящей от материальной власти их автора, будь то государство или сословие». «Революция тут же уничтожает с этой властью и власть закона. Права остаются истинными, однако они уже недействительны»⁷. Здесь

¹ Шпенглер О. Указ. соч. С. 395.

² Кант И. Метафизика нравов. Метафизические начала учения о праве. СПб., 1903. С. 43.

³ Шпенглер О. Указ. соч. С. 360.

⁴ Там же. С. 361.

⁵ Там же. С. 380.

⁶ Там же. С. 382.

⁷ Там же.

О. Шпенглер отмечал строгую логику построения «внутреннего права». Однако, к сожалению, в современной практике еще встречаются случаи, когда именно эта причина ставит применимость тех или иных норм гражданского права в зависимость от «материальной власти» соответствующих органов и лиц.

Философ обращал внимание также на различие категорий «право» и «закон», полагая, что когда революция вместе с властью уничтожает и власть закона, право при этом остается «истинным», т. е. соответствующим началам разумности и справедливости, хотя уже и «недействительно».

В своем учении О. Шпенглер развивал важную идею о связи права с практикой, влиянии последней на правовую действительность. Правовое мышление, как отмечал философ, «вынуждено соотноситься с чем-то уже наличным». «Понятия права должны быть от чего-то отвлечены». Анализируя состояние современной ему юриспруденции, ученый заявлял, что ее преследует «злой рок»: «Вместо того, чтобы получать их (понятия права. – М. С.) из устойчивого и строгого обычая общественного и экономического существования, они преждевременно и излишне быстро абстрагируются из латинских рукописей. Западноевропейский юрист становится филологом, а практический опыт подменяется основанным всецело на себе самом геллертерским опытом чисто логического разложения и соединения правовых понятий»¹.

Отсюда О. Шпенглер делает важные выводы, обращенные непосредственно к частному праву: оно должно улавливать, впитывать в себя «дух общественного и экономического бытия», что является «подлинным источником» действующего права. «Тем самым, – замечал философ, – нами был совершенно упущен из виду один факт, а именно, что частное право должно неизменно отражать на себе дух общественного и экономического бытия. В этом не отдавали себе ясного отчета ни „Code civil“ (Гражданский кодекс. – М. С.), ни прусское земское право... Никакой хотя бы самой слабой догадки относительно этого подлинного „источника“ действующего права не допускается ни подготовкой юридического сословия, ни литературой»².

Развивая эту мысль, философ писал: «Вследствие этого мы имеем частное право, построенное на призрачном основании *позднеантичной экономики*... геллертерское правовое мышление, а вслед за ним и мышление всех образованных людей связывает такие фундаментальные понятия, как „лицо“, „вещь“ и „собственность“, с состояниями и порядком античной жизни. Книга встает между фактами и их постижением»³. О. Шпенглер сетовал на то, что образованный человек «дает сегодня оценки в значительной степени в античном духе». Человек, занятый «исключительно делом» и не наученный «выдавать суждения», «чувствует себя непонятым»; «он замечает противоречие между жизнью эпохи и ее правовым постижением...»⁴.

Приведенные суждения философа достаточно актуальны применительно к современной частноправовой жизни, когда многие новые «правовые постижения» пытаются объяснить с позиций старых догматических правовых понятий и представлений, «подгоняя» первые под устаревшие правовые формы последних. Так, в настоящее время исследователи нередко стремятся объяснить частноправовое понятие предприятия как достаточно сложного имущественного комплекса с позиций римских категорий «вещь», «сложная вещь» и т. д., не пытаясь увидеть в нем принципиально новое частноправовое явление и объяснить его с современных позиций практики и достижений гуманитарных наук.

¹ Шпенглер О. Указ. соч. С. 82.

² Там же. С. 82–83.

³ Там же. С. 83.

⁴ Там же. С. 83.

О. Шпенглер ставил еще один чрезвычайно важный вопрос, имеющий не только философское, но также методологическое и практическое значение для частного права: кем и для кого было создано западноевропейское право? «Римский претор, – отмечал философ, – был землевладелец и офицер, имел опыт в администрировании и финансах и именно на такой основе приобретал выучку, делавшую его способным к судебной и законотворческой деятельности. Praetor peregrine развивал право чужеземцев в качестве права, регулирующего экономическое обращение позднеантичной мировой столицы, причем делал это без плана и тенденциозности, но лишь на основании действительно возникающих случаев»¹. Таким образом, римское право развивалось на основе опыта римских юристов, в частности преторов, судебной и иной практики, что обеспечивало ему жизненность и эффективность.

В дальнейшем, по мысли О. Шпенглера, между «жизненным» правоведением, основанным на опыте, и правоведением, оторванным от жизни, носящим схоластический характер, «разгорается борьба». Причину этого философ усматривал в противоречиях между «ученым сословием» и «практической жизнью». Говоря о правоведах, философ замечал, что их «фаустовская воля к длительности требует книги, которая будет значима „отныне и навсегда“, системы, в которой заранее предусмотрен любой возможный случай». Понятно, заключал О. Шпенглер, «что такую книгу, ученую работу, создавало ученое сословие правотворцев и правоприказчиков», которое «чуждо миру» и «презирает опыт, происходящий не из мышления». Отсюда «неизбежно разгорается борьба между текучими обычаями практической жизни и „сословием науки“. Рукопись Пандект Ирнерия сделалась за века „миром“, в котором живет юрист»².

Отмеченное приводит О. Шпенглера к весьма неутешительному выводу: «Таким образом, то, что мы до настоящего времени называем правоведением, есть либо филология юридического языка, либо схоластика понятий права. Это единственная наука, которая и сегодня выводит смысл жизни из „вечных“ фундаментальных понятий». Продолжая эту мысль, О. Шпенглер ссылаясь на известного немецкого правоведа Р. Зома: «Современное немецкое правоведение в очень значительной мере представляет собой наследие средневековой схоластики. Теоретико-правовое продумывание базовых ценностей нашей реальной жизни еще не началось»³.

Полагаем, что сегодняшнее состояние отечественного частного права таково, что оно также крайне нуждается в осмыслении ценностей реальной жизни с тем, чтобы на этой основе осуществить важнейшие преобразования в сфере частноправового регулирования общественных отношений.

В связи со сказанным О. Шпенглер ставил задачу, которую, по его мнению, предстоит решить будущему немецкому правоведению: речь шла о том, «чтобы на основании практики современной жизни разработать глубочайшие принципы последней и возвысить их до фундаментальных понятий права». И далее О. Шпенглер восторженно отмечал: «За спиной у нас – великие искусства, перед нами – непочатое правоведение»⁴.

О. Шпенглер достаточно скромно оценивал труды правоведов, созданные в XIX в., полагая, что это «есть всего лишь подготовка к творчеству». Эти труды «освободили нас от Юстиниановой книги, но не от Юстиниановых понятий»; никто больше не обращает внимания на идеологов римского права, «однако гелертерство старого стиля никуда не делось». По мнению философа, «чтобы освободить нас также и от схемы этих понятий,

¹ Шпенглер О. Указ. соч.

² Там же. С. 83–84.

³ Там же. С. 84.

⁴ Там же.

необходимо правоведение иного рода. На смену филологическому должен прийти общественный и экономический опыт».

Чтобы понять, в чем дело, пояснял О. Шпенглер, «достаточно бросить взгляд на немецкое частное и уголовное право». Данные отрасли права, по его мнению, – «это готовые системы, обрамленные дополнительными законами». Включать их содержание в основной закон «было немислимо», поскольку «здесь понятийно, а значит, и синтаксически противостоят друг другу то, что может, и то, что не может быть достигнуто в рамках античной схемы»¹. В данном случае О. Шпенглер, очевидно, имел в виду пандектную систему частного права, получившую отражение в Германском гражданском уложении. Развивая свои мысли по поводу того, «что не может быть достигнуто в рамках античной схемы», философ ставил ряд вопросов: «Почему содержание патентного закона не поддается включению в вещное право? Почему авторское право оказалось не в состоянии понятийно отделить духовное творение от его форм, которые можно передать, таких, как рукопись и печатная продукция? Почему в одной и той же картине в противоречии с вещным правом приходится различать художественную и материальную собственность – посредством разделения приобретения оригинала и приобретения права на воспроизведение»?²

Невозможность объяснить с позиций действовавшего в то время немецкого частного права многие жизненные противоречия, как считал философ, является следствием того, что «сегодня над нами все еще довлеет античное понятие телесной вещи». Наш инстинктивный опыт, по мнению философа, исходит из *функциональных* понятий рабочей силы, духа предпринимательства, телесной, организаторской энергии и соответствующих им способностей и дарований. Констатируя достижения современной ему физики, представлявшей собой «точный слепок» того образа жизни и уже не знавшей «старинного понятия тела», О. Шпенглер ставил вопрос: «Почему наше право в понятийном отношении бессильно перед лицом великих фактов сегодняшней экономики»? И, отвечая на него, указывал: «Потому что и оно знает личность *лишь как тело*»³.

О. Шпенглер критиковал западноевропейское правовое мышление также за то, что оно, переняв античные слова, «усвоило лишь поверхностное их значение». «В контексте раскрывается лишь *логическое* словоупотребление, но не жизнь, лежащая в его основе. Умолкнувшую метафизику древних правовых понятий не пробудить мышлением чуждых ей людей, сколько бы они их ни применяли»⁴. Философ объяснял это тем, что самое главное, глубинное подразумевается в праве само собой. Всякое право лишь предполагает существенное, не оговаривая его прямо; «право обращено к людям, а люди и помимо статута внутренним образом понимают то, о чем нет нужды говорить, понимают именно в силу этого и прекрасно себе представляют, как им пользоваться». Всякое право, по мнению О. Шпенглера, есть по преимуществу обычное право, т. е. правила, сформировавшиеся в самой жизни: «Пускай себе закон определяет слова – жизнь их *истолковывает*».

Однако «когда ученые желают навязать своему собственному праву... чужой юридический язык с присущей тому понятийной схемой, понятия остаются пусты, а жизнь – немой. Право делается не оружием, но обузой, и действительность продолжает двигаться дальше не вместе с историей права, но помимо нее». Именно поэтому «правовой материал, которого требуют факты нашей цивилизации, лишь поверхностно соприкасается

¹ Шпенглер О. Указ. соч. С. 84.

² Там же. С 84–85.

³ Там же. С. 85.

⁴ Там же.

с книжной правовой схемой античности, отчасти же вообще никак с ней не соотносится, вследствие чего он все еще лишен формы и потому практически не существует для правового мышления, а значит, и для мышления образованных людей»¹.

Рассуждая далее, О. Шпенглер ставил вопрос о том, являются ли лица и вещи применительно к современному ему законодательству понятиями права, и давал на него отрицательный ответ. Они (лица и вещи), по мнению О. Шпенглера, «лишь прочерчивают банальную границу между человеком и всем прочим», осуществляют «естественнонаучное различие». Подчеркивая разницу между такими понятиями, как «лицо» и «персона», философ отмечал: «...с античным понятием *persona* была связана целая метафизика античного бытия: различие между человеком и божеством, сущность полиса, героя, раба, космоса из материи и формы, жизненный идеал атараксии – все это есть само собой разумеющиеся, полностью для нас исчезнувшие предпосылки»².

Приведенная выше мысль О. Шпенглера актуальна и для современного отечественного частного права. Категорию физического лица (гражданина) мы нередко идентифицируем лишь с неким живым существом, способным к совершению различного рода механических действий (выполнить определенную работу, оказать услугу, передать вещь и т. д.), забывая при этом о понятии персоны, с которым связана «целая метафизика» современного бытия человека: его воля, свобода, сознание, связь с социумом, духовный потенциал и т. д. А именно это обстоятельство ни в коей мере не должно упускаться из виду при регулировании частноправовой сферы.

То же самое касается и категории собственности, нередко сводимой к вещи либо совокупности вещей, которые выступают в качестве объекта права. При этом за рамками такого «видения» собственности остается вся «метафизика» данного понятия: связь собственности с экономической системой, ее (собственности) место, роль и функции в указанной системе и т. д. Исходя из этого, О. Шпенглер отмечал: «Слово „собственность“ отягощено в нашем мышлении античным *статичным* определением и потому во всех случаях своего использования фальсифицирует динамический характер нашего жизненного стиля. Мы оставляем такие определения на откуп чуждых миру и абстрактных этиков, юристов, философов, допускаем ими играть политических доктринеров, занятых бессмысленной сварой, а между тем *на метафизике одного этого понятия* покоится *все в целом* понимание экономической истории наших дней»³.

Резюмируя свои рассуждения, О. Шпенглер заявлял: «Античное право было *правом тел*, наше право – это право *функций*. Римляне создали юридическую статику, нашей задачей является юридическая динамика. Для нас лица – это не тела, но единства силы и воли, а вещи – не тела, но цели, средства и порождения этих единств... Для римлянина раб был вещью, производящей новые вещи. Понятие духовной собственности никогда не приходило в голову... уже не говоря о собственности на практическую идею или гениальные способности»⁴. Иными словами, О. Шпенглер вел речь о том, что римскому праву не был известен – употребляя современное название – институт интеллектуальной собственности (интеллектуальных прав), где в качестве объектов права выступают результаты творческой (духовной) деятельности: произведения науки, литературы, искусства, технического творчества. Сообразуя все это с реалиями своего времени, О. Шпенглер подчеркивал: «Однако для нас организатор, изобретатель и предприниматель являются *творящей силой*, которая воздействует на другие, *исполняющие силы*, придавая им направ-

¹ Шпенглер О. Указ. соч. С. 85.

² Там же. С. 86.

³ Там же. С. 86.

⁴ Там же.

ление, намечая цель и средства для их действия. И те и другие принадлежат экономической жизни не как владельцы вещей, но как носители энергии»¹.

Для современного отечественного частного права приведенные мысли О. Шпенглера имеют большое теоретическое и практическое значение: частноправовые установления должны быть не только и не столько «правом тел», сколько «правом функций», предоставляя большой простор и широкие правовые возможности для активности человека, предпринимательской инициативы, развития творческого потенциала (духовной энергии) индивидов.

Подытоживая свои рассуждения по этому поводу, О. Шпенглер патетически замечал, что «будущее требует перестройки всего правового мышления». «Жизнь в целом: социальная, экономическая, техническая – ждет того, чтобы ее наконец-то поняли в этом смысле»; «для достижения этой цели нам потребуется не менее столетия напряженнейшей и глубочайшей работы мысли»². А для этого, по мнению философа, необходима подготовка юристов «совершенно иного рода», которые должны, во-первых, получить *практический* опыт современной экономической жизни; во-вторых, овладеть точными знаниями истории западного права «при постоянном сравнении немецкого, английского и романского хода его развития»; в-третьих, овладеть знаниями античного права, причем «не как образца для значимых ныне понятий, но как блестящего примера развития права из чисто *практической* жизни эпохи».

Римское право, как заключал О. Шпенглер, «перестало быть для нас источником вечно значимых фундаментальных понятий» и «ценно как свидетельство отношений, существовавших между римским бытием и римскими правовыми понятиями». «Оно может научить нас тому, как на основании *собственного* опыта выстроить собственное право»³. Однако эта мысль О. Шпенглера вряд ли выдержала «проверку» временем: сегодня частное право использует многие римские правовые понятия и конструкции, правда, нередко корректируя их содержание, а в соответствующих случаях существенно изменяя его с учетом нынешнего развития юридической практики, достижений гуманитарных и иных наук. И это пока, видимо, отвечает современным потребностям экономического оборота, обеспечению интересов граждан, требованиям преемственности в развитии частноправовой науки. Однако идея О. Шпенглера о том, чтобы на основании «собственного опыта выстраивать собственное право» представляется весьма плодотворной и актуальной для дальнейшего совершенствования отечественного частного права.

Список литературы

Кант И. Метафизика нравов. Метафизические начала учения о праве. СПб., 1903.

Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 2: Всемирно-исторические перспективы / пер. с нем. и примеч. И. И. Махонькова. М., 1998.

References

Kant I. *Metafizika нравов. Metafizicheskie nachala ucheniya o prave*. SPb., 1903.

Shpengler O. *Zakat Evropy. Oчерki morfologii mirovoj istorii. T 2: Vsemirno-istoricheskie perspektivy* / per. s nem. i primech. I. I. Maxon'kova. M., 1998.

¹ Шпенглер О. Указ. соч. С. 86.

² Там же.

³ Там же. С. 87.